

152

ЭНГЕЛЬС — МАРКСУ³³¹

В ЛОНДОН

Манчестер, 14 июля 1858 г.

Дорогой Мавр!

Здесь у нас разгар работы по балансу, и поэтому я не имел свободной минуты, чтобы написать тебе подробнее. Надеюсь, твоей Туссенке^{*} лучше. Гумперт сказал мне, что коклюш в английском климате редко опасен, обычно он бывает, мол, затяжным, но доброкачественным. Все случаи, бывшие у них до сих пор в госпитале, кончались благополучно. Он дал мне оба вышедшие до настоящего времени отчета этого госпиталя, составленные очень научно (Мареем); жаль, что я не имел такого материала, когда писал свою книгу^{**}. У меня есть экземпляры отчетов и для тебя, я их тебе вышлю; отдельные места тебе пригодятся, может быть, для главы о наемном труде. Грандиозный план и сангвинические надежды этого Марея немножко развеселят тебя.

Об объяснениях г-на Тюрра и др. ничего не читал и не слышал; «Star» здесь редко читается. Стало быть, пришли только «Free Press», — по возможности, и для Лупуса один экземпляр; он еще в Бакстоне, куда послал его Борхардт и где Лупус со скуки будет, вероятно, больше бегать, чем это нужно для его ноги.

Обоих писем из Нью-Йорка, о которых ты упоминаешь в своем последнем письме, в нем не оказалось.

Кстати. Пришли мне все-таки обещанную «Философию природы» Гегеля. Я занимаюсь теперь немного физиологией и собираюсь увязать с этим занятия сравнительной анатомией. В них много чрезвычайно важного с философской точки зрения, но все это открыто лишь недавно; мне очень хотелось бы знать, не предвидел ли старик^{***} что-нибудь из этого. Не подлежит сомнению, что если бы ему пришлось писать «Философию природы» *теперь*, то доказательства слетались бы к нему со всех сторон. Впрочем, об успехах, достигнутых в естествознании за последние тридцать лет, никто не имеет никакого понятия. Для физиологии решающее значение имели, во-первых, огромное развитие органической химии, во-вторых, микроскоп, который стал правильно использоваться только двадцать лет

^{*} — Элеоноре Маркс. *Ред.*

^{**} Ф. Энгельс. «Положение рабочего класса в Англии». *Ред.*

^{***} — Гегель. *Ред.*

назад. Это последнее привело к еще более важным результатам, чем химия. Главный факт, революционизировавший всю физиологию и впервые сделавший возможной сравнительную физиологию, это — открытие клеток: в растении — Шлейденем, в животном — Шванном (около 1836 года). Все есть клетка. Клетка есть гегелевское в-себе-бытие и в своем развитии проходит именно гегелевский процесс, пока из нее, наконец, не развивается «идея», данный заверченный организм.

Другой результат, который бы очень порадовал старика Гегеля, это в области физики соотношение сил, или закон, согласно которому при данных условиях механическое движение — следовательно, механическая сила (например, путем трения) — превращается в теплоту, теплота — в свет, свет — в химическое сродство, химическое сродство (например, в вольтовом столбе) — в электричество, а это — в магнетизм. Эти переходы могут также совершаться иначе, в этом же порядке или в обратном. Теперь доказано неким англичанином, имени которого я не могу вспомнить*, что эти силы в совершенно определенных количественных соотношениях переходят одна в другую, так что, например, известное количество одной силы, например, электричества, соответствует известному количеству всякой другой, например, магнетизма, света, теплоты, химического сродства (положительного или отрицательного — синтетического или аналитического) и движения. Нелепая теория о скрытой теплоте таким образом уничтожается. Но не является ли это великолепным материальным доказательством того способа, каким рассудочные определения переходят одно в другое?

Как бы то ни было, изучая сравнительную физиологию, испытываешь величайшее презрение к идеалистическому возвеличению человека над другими животными. На каждом шагу натъкаешься носом на полнейшее соответствие строения человека с остальными млекопитающими; в основных чертах это соответствие замечается у всех позвоночных животных и даже — в более скрытой форме — у насекомых, ракообразных, глистов и т. д. Гегелевская история с качественным скачком в количественном ряду тоже прекрасно сюда подходит. В конце концов, у низших инфузорий мы приходим к прообразу, к простой, самостоятельно живущей клетке, которая, однако, опять-таки ничем осязательным не отличается от низших растений (от состоящих из простых клеток грибков — болезнетворных грибков картофеля, винограда и т. д.) и зародышей более высоких ступеней развития, до человеческого яйца и спермато-

* — Джоулем. *Ред.*

зоидов включительно, и точно так же выглядит, как независимые клетки в живом организме (кровяные тельца, клетки эпителия и слизистой оболочки, клетки, выделяемые железами внутренней секреции, почками и т. д.).

При случае сообщи мне также, если можешь, что это за болезнь *dyspersia scapulosa*. Это — отнюдь не плохая шутка, а научно употребляемое название.

Если в завтрашнем «Times» будут подробности об Индии, то посмотрим, нельзя ли сделать что-нибудь для «Tribune»; иначе — невозможно. По завтрашнему «Times» ты, стало быть, уже в какой-то степени увидишь, чего можно ожидать.

Наилучшие приветы семье.

Твой Ф. Э.

Операция с акцептом проделана благополучно.

*Впервые полностью опубликовано
на русском языке в Сочинениях
К. Маркса и Ф. Энгельса, I изд.,
т. XXII, 1929 г.*

Печатается по рукописи

Перевод с немецкого

153

МАРКС — ЭНГЕЛЬСУ
В МАНЧЕСТЕР

[Лондон], 15 июля 1858 г.
9, Graftonterrace, Maitlandpark

Дорогой Энгельс!

Прошу тебя прежде всего не пугаться содержания этого письма, ибо оно отнюдь не апелляция к твоей и без того уже сверх всякой меры использованной кассе. Но, с другой стороны, нужно обсудить совместно, нельзя ли найти какой-нибудь выход из нынешнего положения, потому что оно становится абсолютно невыносимым. Непосредственным результатом всего этого уже явилось то, что я совершенно неработоспособен, поскольку, с одной стороны, я теряю лучшее время на беготню и бесплодные попытки достать деньги, с другой стороны — притупляется моя способность к абстрактному мышлению из-за домашних неурядиц, а быть может, и вследствие ухудшения моего физического состояния. Жена моя изнервничалась от всей этой дряни, и доктор Аллен, который, хотя догадывается, где жмет сапог, но, разумеется, не знает истинного положения